

Тарутинский марш-маневр М.И. Кутузова (по французским документам)

Тарутинский марш-маневр, совершенный М.И. Кутузовым, давно стал событием хрестоматийным. Возможно, поэтому он в последние десятилетия совершенно не привлекал внимания исследователей. Между тем обращение к французским документам позволяет внести существенные коррективы в привычную картину этих событий. Главными источниками при подготовке нашей статьи стала опубликованная переписка Наполеона, корреспонденция командира 4-го армейского корпуса Е. Богарне, комплекс важнейших документов, опубликованных секретарем-архивистом французского императора А.Ж.Ф. Фэном, ряд дневников и воспоминаний французских, немецких и польских участников событий¹, а также русские материалы, опубликованные в 1954 г. в сборнике «М.И. Кутузов»².

Двигаясь от Можайска к Москве, Наполеон полагал сражение под ее стенами достаточно вероятным. Как явствует из его рассуждений того и более позднего периода, полководец, не намеревавшийся защищать Москву, должен был бы отступать не по направлению к ней, а на юг, надеясь соединиться с резервами и прикрывать Калугу, Тулу и южные губернии. То, что русские, отступив к Москве, уклонились от сражения, его удивило, но одновременно и обрадовало. Это могло свидетельствовать о деморализации русской армии, а значит, и о близости перспектив мира. Уставшая и потрепанная под Бородиным французская армия также нуждалась в отдыхе. 14 сентября^{*1} французский авангард под командованием Неаполитанского короля И. Мюрата дал возможность

---

* Все даты даны по новому стилю.

русскому арьергарду генерала от инфантерии М.А. Милорадовича беспрепятственно покинуть Москву и отойти по Рязанской дороге. Вскоре французский авангард «потерял» русскую армию. Только к вечеру 21 сентября дивизионный генерал О.Ф.Б. Себастьяни, командовавший авангардом при отсутствии Мюрата (последний до утра 22 сентября оставался в Москве), осознал, что русская армия отступает не по Рязанской дороге. В тот день, 21 сентября, главные силы русской армии переправились через р. Пахру и, дойдя до селения Красная Пахра на Старом Калужском тракте, остановились. В тот же день Милорадович с 8-м пехотным и 1-м кавалерийским корпусами подошел к селению Десна на той же дороге, которое находилось в 12 км к северо-востоку от Красной Пахры. Пехота второго русского арьергарда под командованием генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского расположилась у д. Луковни между Тульской и Старой Калужской дорогами, кавалерийский арьергард генерал-адъютанта И.В. Васильчикова – на Тульской дороге. На Рязанской дороге остались только два казачьих полка Ефремова³.

Наполеон изначально с явным удивлением наблюдал за отступлением русской армии по дорогам на Владимир и Рязань. Однако московские пожары, особенно страшные 16, 17 и 18 сентября, отвлекли его внимание от действий главных русских сил. Однако уже 20 сентября, более чем за сутки до известий от Себастьяни, он отдает приказ передвинуть 5-й армейский корпус дивизионного генерала Ю.А. Понятовского, который находился у окраин Москвы на Владимирской дороге, к Подольску⁴. К вечеру 21 или к утру 22 сентября сомнения Наполеона в отношении движения русской армии подтвердились – сам Себастьяни прибыл в Кремль и сообщил об отсутствии русской армии на Рязанской дороге⁵.

Сведения, поступившие от Себастьяни, были подтверждены донесениями дивизионного генерала М.М. Клапареда, с которыми в полдень 22 сентября прибыл в Москву старший адъютант 2-го полка Легиона Вислы капитан Г. Брандт⁶. Все это определенно говорит о том, что в штабах Великой армии достаточно быстро и верно оценили наиболее вероятные движения русских войск. «Последние сведения, которые получены ночью [с 21 на 22 сентября. – В.З.] от короля и от Вас, подтвердили мнение Его Величества о том, что армия движется по дороге на Тулу или по дороге на Коломну», – отметил начальник Генерального штаба Великой армии маршал Л.А. Бертье в письме командующему гвардейской кавалерией маршалу Ж.Б. Бессьеру в 4 часа дня 22 сентября⁷.

Наполеон немедленно осуществил важные передвижения своих войск. Они заключались в следующем. К Подольску должен был двинуться 3-й корпус резервной кавалерии (он находился на Дмитровской дороге и ему предстояло, таким образом, пройти через всю Москву), к которому должна была присоединиться бригада легкой кавалерии 1-го армейского корпуса. Продолжил движение к Подольску и корпус Понятовского. Авангард Мюрата, в который входили 2-й и 4-й кавалерийские корпуса, части легкой кавалерии армейских корпусов и 2-я пехотная дивизия Ф.М. Дюфура, должен был сосредоточиться у Бронниц. В случае, если неприятель вновь обнаружится в районе этой дороги, Мюрату следовало оставаться там либо, если неприятель достоверно находится на Тульской дороге, двигаться в этом направлении.

Приказом императора под командованием Бессьера формировался наблюдательный корпус в составе 3-го кавалерийского корпуса, упомянутой ранее бригады легкой кавалерии бригадного генерала А.Л.Р. Жирардена из 1-го армейского корпуса, двух гвардейских полков лансьеров бригадного генерала П.Д. Кольбера и 4-й пехотной дивизии

генерала П.П.К. Фридрикса из 1-го армейского корпуса. Эти войска должны были быть сосредоточены в районе Подольска для контроля за Тульской дорогой в ожидании подхода Понятовского и авангарда Мюрата⁸.

22 сентября ход событий оказался осложнен известиями с Можайской дороги. Рано утром 22 сентября 40 казаков под командованием сотника Юдина из отряда генерал-майора И.С. Дорохова, отправленного Кутузовым для нападения на неприятеля по Можайской дороге, атаковали д. Перхушково, где располагался артиллерийский обоз с прикрытием из маршевых эскадронов. Юдин взял в плен около 100 человек и взорвал 36 артиллерийских фур со снарядами, уничтожив при этом «довольное количество» неприятеля⁹. Известие об этом нападении было быстро доставлено в Кремль Наполеону. Адъютант генерал-адъютанта императора Л. Нарбонна Б. Кастелян записал 22 сентября в своем дневнике: «Я на службе, Император вызвал меня в 10 часов утра в свой кабинет, мне поручено доставить приказы шассерам, драгунам и гренадерам гвардии тот час же сесть на коней»¹⁰. Однако концентрация этой кавалерии заняла несколько часов, так как полки были «размещены в предместьях, отдаленных друг от друга» (Кастелян).

Между тем в полдень того же дня Наполеон проводил в Кремле смотр частей гвардии. Именно за этим занятием нашел его сразу после полудня капитан Брандт, прибывший от Клапареда из Бронниц с известием об отсутствии каких-либо следов русской армии по Рязанской дороге. Вид у императора, отметил Брандт, был «веселый, бодрый»¹¹. Сразу после смотра, в 2 часа дня, Наполеон сел на Люцифера (le Lutzberg)¹². В это время как раз и возвратился Кастелян, выполнив свое поручение насчет гвардейской кавалерии. «Его величество был на

лошади, – отметил Кастелян в тот день в дневнике. – Он мне сказал направить эту кавалерию к укреплению перед Москвой, по дороге на Можайск. Эти полки возвратились вечером, и его Величество возвратился также к 5 часам»¹³. Благодаря дневнику обер-шталмейстера императора А.О.Л. Коленкура мы можем точно определить маршрут Наполеона в тот день: «...съездил в город, – на Воробьевы горы, к дорогам на Калугу и Тулу. Возвратился через эту заставу (т.е. через Серпуховскую заставу – В.З.) и через Каменный мост»¹⁴.

Нападение сотника Юдина, а затем атака отряда полковника К.К. Сиверса 1-го вызвали в штабах Наполеона и у него самого беспокойство, которое, однако, к вечеру улеглось. Эти нападения рассматривали как досадный случай, вызванный действиями небольшой партии казаков. В 4 часа вечера 22 сентября Бертье написал Мюрату о том, что «казаки отогнаны на дороге на Смоленск, в 6 или 7 лье отсюда». Бертье написал о 30 казаках, которые сожгли 50 зарядных ящиков¹⁵. То же он сообщил Бессьеру, но о «40 казаках»¹⁶. По-видимому, Бертье на тот час располагал только первоначальными сведениями, касавшимися исключительно действий сотника Юдина. Вечером сведения были уточнены. Кастелян записал в дневнике, что передвижения гвардейской кавалерии произошли «из-за 50 казаков, которые, в 20 км от Москвы, напали врасплох на конвой артиллерийских ящиков, возвращавшихся за зарядами в Смоленск. Эти казаки открыли огонь с обеих концов деревни, взорвали 15 ящиков, захватили 50 канониров и солдат обоза; трое убежали и поведали об этом событии». И далее: «В тот же день был захвачен шедший из Смоленска авангард генерала Ланюсса из 160 человек»¹⁷.

По-видимому, Наполеон, убедившись, что это «всего лишь казаки», и что главные силы русских продолжают движение на Тулу, либо на

Коломну, решил не отвлекаться от основной задачи. «Император направляет майора Летора с 250 драгунами по дороге на Можайск и поручает ему останавливать всю маршевую кавалерию, которую он встретит, так что у него, по расчетам Наполеона, будет сразу от 1500 до 2000 человек, с которыми он легко сможет защитить дорогу». Сообщая об этом решении Бессьеру, Бертье вместе с тем отметил, что главное внимание сейчас должно быть сосредоточено на другом: «Вся армия готова начать движение, и император решил отбросить врага до Оки. Последние сведения, которые получены ночью от короля и от Вас, подтверждают мнение его величества [о том, что] армия (неприятеля. – В.З.) марширует по дороге на Тулу, либо по дороге на Коломну»¹⁸.

В 8 часов вечера 22 сентября Наполеон получил письмо от Мюрата, а в 11 вечера – от Бессьера¹⁹. Ни тот, ни другой ничего не смогли сообщить Наполеону о местонахождении главных русских сил. Хотя Наполеон предполагал, что Кутузов находится в районе Подольска, но уверенности в этом у него не было. Понятовский, который должен был, по расчетам Бертье, уже быть в Подольске, известий не присылал. Бессьер в письме, полученном Бертье в 11 вечера 22 сентября, предложил очистить своими войсками Десну. Наполеон дал на это согласие, полагая, что район Подольска уже прикрыт войсками Мюрата и Понятовского²⁰. Это привело к тому, что первоначальная задача, поставленная Бессьеру, утром 23 сентября была изменена. Теперь его наблюдательный корпус должен был сосредоточиваться на Старой Калужской дороге²¹. Между тем к концу дня 22 сентября в штабе Бертье уже располагали более точными сведениями о масштабах русской диверсии в районе Можайской дороги – теперь речь шла уже не о 30–40 казаках. «Пять или шесть сотен казаков, – сообщал Бертье Бессьеру в 4 утра 23 сентября, – которые разорили дорогу

на Можайск, причинили нам немного вреда; они взорвали 15 зарядных ящиков и взяли 2 маршевых эскадрона кавалерии, то есть приблизительно две сотни лошадей. Эти эскадроны принадлежали одной маршевой колонне, которую вел генерал Ланюсс, и которая неосторожно была размещена им на правом фланге. Они решились атаковать очень значительный артиллерийский конвой; но огнем были отбиты»²². Император полагал, что майор Летор уже достиг поместья кн. Голицына (то есть Больших Вязем) с двумя сотнями драгун. Но после получения писем от Мюрата и Бессьера вечером 22 сентября отдал приказ отправиться к нему на помощь дивизионному генералу Р.Г. Сен-Сюльпису со всеми гвардейскими драгунами и двумя батареями гвардейской конной артиллерии²³. Наполеон и Бертье считали, что помощь Летору, вероятно, и не понадобится, но сделали это только из предосторожности, вполне уверенные, что движение сил Бессьера и Мюрата «на Подольск и Десну вполне отбросит казаков от дороги на Можайск»²⁴. Из письма от Бертье Мюрату, отправленному тогда же, 23 сентября в 4 утра, явствует, что Наполеон полагал, будто русские прошли Десну и находятся на дороге к Серпухову (т.е. по Тульской дороге) и к Калуге²⁵.

Задача Бессьера и Мюрата заключалась в том, чтобы, идя по следам врага, как можно скорее окончательно увериться в его местонахождении и намерениях. Гвардейская кавалерия, стоявшая у Москвы, в течение ночи с 22 на 23 сентября проводила усиленную рекогносцировку в окрестностях города (вероятно, у западных окраин)²⁶. Кроме разрозненных отрядов казаков, ничего обнаружено не было. По-видимому, в те дни Наполеон не исключал возможности выступить из Москвы с главными силами и атаковать Кутузова.

Ход событий 22 сентября показывает, что, во-первых, Наполеон достаточно верно оценил местоположение главных сил русской армии; во-вторых, Наполеон не был введен в заблуждение действиями отряда Дорохова и даже, несмотря на последующие набеги армейских партизан, не отвлекался от событий в районе Калужской и Тульской дорог. Беспокойство Наполеона в отношении Можайской дороги объяснялось не боязнью выхода русской армии на главную коммуникационную линию, а стремлением обеспечить безопасность и эффективность ее функционирования.

23 сентября Наполеон не покидал Кремля²⁷. Всю ночь с 22 на 23 он работал²⁸.

Между тем отряд Дорохова весь день 23 сентября продолжал тревожить французские тылы, затеяв перестрелки, захватывая небольшие партии пленных. Узнав о приближении к Перхушкову «гвардейского корпуса» Сен-Сюльписа, Дорохов отвел отряд на юг от Можайской дороги, к с. Бурцево. Однако в тот день известия о действиях с Можайской дороги не очень тревожили Наполеона. Он с нетерпением ждал известий от Мюрата и Бессьера²⁹.

Концентрация и выдвижение войск наблюдационного корпуса Бессьера проходили медленно. Так, бригада Кольбера снялась с мест кантонирования только в середине дня 23 сентября (напомним, что полки Кольбера располагались у юго-западных окраин Москвы в селах Троице-Голенищево и Воробьево). Достигнув Серпуховской дороги и пройдя немного на юг, они остановились на ночевку³⁰. Кавалерия 3-го корпуса резервной кавалерии, стоявшая на Петербургской дороге в значительном отдалении от Москвы, получила приказ перейти на Калужскую дорогу скорее всего 22 сентября. Кавалерии пришлось

вначале дойти до Москвы, затем пересечь ее и только затем выйти на южные окраины города³¹. Пехота Фридрикса оказалась на Калужской дороге значительно раньше кавалерии, так как располагалась на южных окраинах Москвы. Вероятно, уже 22 сентября Фридрикс двигался на юг по Старой Калужской дороге³².

24 сентября бригада Кольбера, которая первоначально должна была выполнять роль связующего звена между силами Мюрата и Бессьера, продолжила свое движение вдоль Серпуховской дороги на юг и прошла значительное расстояние, не встретив ни русских, ни своих войск. К вечеру она обосновалась «позади большой деревни, хорошо сохранившейся, но, как и всюду, полностью покинутой жителями» (Ф. Дюмонсо). Утром 25 сентября подполковник М.-М.-Б. Тикен во главе двух эскадронов (от польского и голландского полков) был отправлен в качестве разведчика по направлению к Подольску, в то время как бригада снялась и следовала за ним в течение двух или трех часов. Только ближе к полудню части Кольбера впервые встретились с казаками. Два эскадрона голландских и польских улан попали в засаду, устроенную казаками. После жаркой стычки, когда к окруженным эскадронам подошла помощь, казаки неожиданно отступили на юго-запад, освободив путь, которым следовал Кольбер. Дело в том, что с восточного направления во фланг и тыл казакам зашла 19-я бригада легкой кавалерии под командованием бригадного генерала Т. Тышкевича, посланная, по мнению Дюмонсо, Мюратом, который, как оказалось, уже подошел к Подольску. Бригада Кольбера вместе с кавалеристами Тышкевича возобновила движение, приняв вправо от дороги на Подольск, двигаясь по следам русских казаков. Стычки продолжались. Казаки как могли сдерживали и по временам атаковали врага³³.

Вскоре Тышкевич возвратился к войскам Мюрата. Бригада Кольбера, так и не дойдя до Подольска, получила приказ, сделав облическое движение вправо, приблизиться к Десне для соединения с войсками герцога Истрийского (Бессьера). Через несколько часов марша Кольбер встретил возле Десны кавалерию 3-го кавалерийского корпуса, поддержанную пехотой генерала Фридрикса. Здесь к вечеру оказался и штаб Бессьера³⁴. Вся кавалерия герцога Истрийского располагалась в окрестностях Десны перед рекой, на которой были разрушены мосты. По ту сторону реки были аванпосты русских.

К вечеру 25 сентября основные силы Мюрата оказались сконцентрированными на левом берегу р. Пахра, где они соединились с Понятовским, подошедшим к Подольску, вероятно, ранее сил Неаполитанского короля³⁵. Проведя дождливую, ветреную и холодную ночь в долине реки, утром 26 сентября войска Мюрата стали переправляться через реку³⁶.

Между тем 25 сентября на Можайской дороге произошли важные события. Еще до того как Бессьеру удалось захватить Десну (что, по мнению Наполеона, было важнейшим условием для обеспечения безопасности главной коммуникационной линии), генерал Сен-Сюльпис и полковник Летор продолжали принимать меры для этого, используя наличные средства и силы. Император поручил Бертье подтвердить Сен-Сюльпису, что он придает «огромное значение <...> тому, чтобы дорога из Можайска в Москву оставалась свободной». Сен-Сюльпис должен был поддерживать связь с войсками 8-го армейского корпуса дивизионного генерала А. Жюно, который находился в Можайске, отправлять патрули для защиты эстафет, использовать отряд драгун полковника Летора «эшелонами на протяжении того лье, которое

считается наиболее важным»³⁷.

В 6 утра 25 сентября Сен-Сюльпис выслал на рекогносцировку 200 гвардейских драгун и примерно 300 человек пехоты из сводного батальона подполковника А. Схюрмена (140 голландцев 3-го батальона 33-го полка легкой пехоты, 83 гессен-дармштадтских лейб-гвардейцев и 80 рабочих из «Дунайского батальона»). Общее командование отрядом было возложено на майора гвардии Л.И. Марто³⁸. Рекогносцировка производилась к югу от Вязем, где было замечено движение партий казаков. Вместо разрозненных казачьих отрядов Марто нарвался на более чем трехтысячный отряд регулярных войск под командованием Дорохова. Обстоятельства этого несчастного для солдат Великой армии события наиболее полно изложил гросс-майор 33-го (голландского) полка линейной пехоты Х.П. Эверт, который подробнейшим образом по горячим следам записал рассказ подполковника Схюрмена. Сопоставление деталей этого рассказа с рядом других, прямых или косвенных, свидетельств, как с русской, так и с неприятельской стороны (что было сделано А.И.Поповым), позволяет говорить о высокой точности воспоминаний Схюрмена.

Итак, драгуны Марто двигались в авангарде, колонна пехоты шла за ними. После двухчасового марша, пройдя лес, отряд Марто обнаружил на равнине, возле противоположной к нему кромки леса, неприятельскую кавалерию. Русские расположились полукругом, упирая оба фланга в лес. Численность русских была оценена достаточно верно – «приблизительно в 4000 человек». Французская кавалерия вышла на равнину и развернулась «в наиболее высокой точке местности», а пехота – в 100 шагах в тылу. Застрельщики отряда Схюрмена открыли огонь в направлении деревни, которая была примерно в центре равнины и где были замечены русские. Затем Схюрмен атаковал пехотой эту деревню и

захватил ее. Марто также двинул вперед драгун и атаковал левый фланг русских. Эта атака имела для французских драгун самые трагические последствия. Правый фланг и центр русских пришли в движение. Русская кавалерия энергично, в галоп, атаковала французских драгун во фланг и тыл. «В несколько мгновений драгуны были все порублены». Слабые попытки пехоты Схюрмера помочь французским драгунам, сделав движение вперед, ни к чему не привели. Теперь русские атаковали уже ее самое. Пехота Схюрмера, построившись в каре и отбивая атаки, стала двигаться по направлению к лесу, надеясь достичь его и тем самым получить шанс спастись. Два эскадрона русских попытались отрезать отход неприятельского каре, расположившись между ним и лесом. Одновременно каре энергично обстреливалось не только из карабинов, но и картечью из орудий. С храбростью отчаяния Схюрмер атаковал штыками русскую кавалерию, преградившую путь к отступлению и прорвался к лесу. Остатки отряда были спасены³⁹.

Потери отряда были значительны. Шеф эскадрона Леривэн был убит, шефы эскадрона Марто и Хофмайер, капитан Лижер, старший адъютант лейтенант Легран и два лейтенанта, Юло и Писслер, ранены. Все они попали в плен. Сам Марто вскоре умрет от ран⁴⁰. Количество спасшихся драгун точно неизвестно, но, как считал Схюрмен, спаслись все же многие благодаря «скорости своих лошадей». К утру 26 сентября в штабе Бертье полагали, что было потеряно примерно 20 драгун⁴¹. Эта цифра попала и в 23-й бюллетень Великой армии⁴². Но данная цифра явно занижена. Потери пехоты Схюрмер определил в 120 человек и 2 офицера⁴³.

Подводя итоги этих событий на Можайской дороге, можно согласиться с А.И. Поповым в том, что вследствие их Наполеон убедился

в необходимости иметь «сильное прикрытие» коммуникационной линии позади Москвы⁴⁴. Вместе с тем следует сказать, что эти события никоим образом не могли повлиять на планы Наполеона, который полагал, что все эти беспорядки на Можайской дороге проистекают из-за того, что Бессьер все еще не вышел к Десне и не отбросил русских далее на юг.

К утру 26 сентября, не имея сведений от Бессьера и Мюрата, Наполеон рано утром направил по Можайской дороге гвардейских конных егерей дивизионного генерала К.Э. Гюйо с шестью пушками, чтобы «занять позицию в трех с половиной лье» от Москвы, примерно на половине дороги к Вяземам. Вскоре после этого, в 4 часа утра того же дня, император распорядился выслать им в помощь еще тысячу кавалеристов из корпуса Богарне⁴⁵. Но и это не все. В 5 утра Бертье отправил принцу Евгению (Богарне) еще один приказ императора: выдвинуть одну из пехотных дивизий со всей артиллерией на позицию в четырех лье от Москвы по Смоленской дороге, в одном лье от места, где находятся генерал Гюйо и бригада легкой кавалерии. Наполеон потребовал, чтобы дивизия выступила сразу с рассветом⁴⁶. Таким образом, 26 сентября на дороге между Москвой и Вяземами оказались две бригады баварских шеволежеров (дошли до Перхушкова, где располагалась сотня вестфальских пехотинцев), 14-я пехотная дивизия Ж.Б. Брусье (размещалась, скорее всего, у д. Акулово), конные егеря генерала Гюйо (А.И. Попов полагает, что они встали у дер. Юдино). Наконец, в Вяземах были гвардейские драгуны и 1 000 пехотинцев⁴⁷.

Распоряжения Наполеона, отданные утром 26-го, во многом были предрешены тем, что император не располагал сведениями от Мюрата о его прибытии в Подольск и сведениями от Бессьера о занятии им Десны⁴⁸. Между тем, полагая, что взятие Десны является делом уже решенным или

предрешенным, он распорядился, чтобы Бессьер передал 3-й кавалерийский корпус под командование Мюрату. Под начало последнего поступал также корпус Понятовского. Бессьер, оставаясь с бригадой Кольбера, легкой кавалерией 1-го армейского корпуса и пехотной дивизией Фридрикса в районе Десны, должен был оказывать возможную помощь Неаполитанскому королю и контролировать обе Калужские дороги, Мюрат должен был продолжать оказывать давление на врага, оттесняя его «как можно дальше от Москвы, вплоть до Оки»⁴⁹.

В ночь с 26 на 27 сентября или же рано утром 27-го император получил известия от Бессьера и, как можно полагать, несколько позже – от Мюрата. Французский историк Ж. Шамбре справедливо указывает, что 25 сентября Мюрат соединился у Подольска с Понятовским, захватившим этот город. Бессьер, со своей стороны, в тот же день занял позицию у Десны⁵⁰. Из дальнейших слов Шамбре можно понять, что уже 26 сентября Наполеон «окончательно уверился, что нашел Кутузова». Вероятно, опираясь на это утверждение Шамбре, А.Н. Попов также считал, что известие от Мюрата о том, что он дошел до Подольска, а «Десна очищена русскими», было получено в ночь с 25-го на 26-е⁵¹. Это не так. Приказы Бертье заставляют полагать, что император узнал об этих событиях значительно позже – к утру 27 сентября⁵², хотя и мог еще ранее предполагать, что они уже произошли.

Бессьер, уведомляя Наполеона о взятии Десны, сообщил о появлении двух русских парламентаров, которые привезли некие письма и были приняты в штабе Бессьера. Одного из этих парламентаров видел в штабе Бессьера вечером 25 сентября Ф. Дюмонсо, капитан 2-го шевалежерского гвардейского полка: «Он двигался свободно между окружающих, его сопровождали два регулярных казака. Это были видные люди, сильные,

хорошо одетые и сохраняющие серьезность. Они внимательно осматривали все, что происходило перед их глазами, и сами смотрелись весьма забавно»⁵³. Наполеон, узнав об этом, был очень раздражен, понимая, что, отправляя парламентаров, русские пытаются выиграть время, одновременно выясняя состояние и намерения французов. Он рекомендовал Бессьеру впредь не принимать парламентаров у себя, забирая их письма либо самому на аванпостах, либо получая их через ведеты. «Все переговоры с врагом ставят нас в невыгодное положение», – подчеркнул он. (Конечно, это относилось только к переговорам с действующей русской армией, но не с императором Александром. Однако вскоре Наполеон попытается вступить в контакт и с Кутузовым). Он рекомендовал удерживать этих двух парламентаров до тех пор, пока Неаполитанский король не пересечет р. Пахру (реально это уже произошло в первой половине дня 26 сентября, но император, как видим, в 7 утра следующего дня этого еще не знал, из чего следует, что, получив сведения от Бессьера о взятии Пахры, он все еще не имел сведений от Мюрата о действиях 26 сентября). Довольно проницательно Наполеон высказал убеждение, что «движения врага осуществляются не иначе как только с целью прикрыть Калугу и для того чтобы сохранить дорогу на Киев, получая [по ней] подкрепления». «Идея движения [врага] на Можайск кажется Его величеству, – сообщал Бертье, – не более чем хвастовством...» Бертье сообщал, что император оценивает боеспособность русской армии достаточно низко, основываясь на факте сдачи Москвы, потери «тысячи офицеров в сражении», 40 генералов и от 40 до 50 тыс. человек «лучшего войска»⁵⁴. Бертье также сообщил, что если враг остановится на позиции у Пахры, то император двинет армию туда и даст сражение. Однако, принимая во внимание усталость своих войск, он не будет двигать армию только ради того, чтобы сдвинуть врага

с квартир, на которых он остановится (“pour déloger l’ennemi”), но враг должен знать, что император «готов при необходимости появиться в любой момент сам со своей армией»⁵⁵.

Тогда же, 27 сентября, в 7 утра Наполеон через Бертье приказал принцу Евгению усилить баварскую кавалерию, стоявшую на дороге в Можайск, до 600 сабель и отправить дивизионного генерала Ф.А. Орнано для командования этой кавалерией. Орнано должен был со всей осторожностью произвести рекогносцировку, чтобы узнать, свободна ли старая дорога из Москвы в Калугу через Шарапово (“Шарапово”), т.е. Старый Боровский тракт и Новая Калужская дорога, «но больше установить в ходе этих рекогносцировок состояние дороги в тылу, чем впереди; это необходимо для того чтобы установить связь с герцогом Истрийским, который в Десне, либо в Федосьино (“Fedosino”)». Генералам Орнано и Брусье предписывалось выполнять приказы, если они поступят от герцога Истрийского⁵⁶.

30 сентября Орнано получил предписание отправиться в Вяземы, «в шато Голицына», для встречи с генералом Сен-Сюльписом. Последний должен был познакомить Орнано с обстановкой и передать его кавалеристам обязанности наблюдения за дорогой в Можайск⁵⁷. Таким образом, с 1 октября в районе Больших Вязем расположилась большая часть кавалерии 4-го армейского корпуса совместно с частями баварской кавалерийской дивизии М.Й. Преизинга. Эта кавалерия находилась там до 16 октября. Гвардейские драгуны и гвардейские конные егеря, таким образом, возвращались в Москву.

Между тем 27 сентября Мюрат, двигаясь по правому берегу Пахры, стал всерьез угрожать правому флангу русских, в то время как Бессьер, имея в тылу кавалерию Лагуссе (командовал 3-м кавалерийским

корпусом), продвигался от Десны до Ватутинок (деревни по Старому Калужскому тракту, примерно в 10 км от Красной Пахры). Основные силы русской армии оставили позицию у Красной Пахры 26 сентября, однако арьергард все еще продолжал оставаться на прежних позициях, создавая у французов иллюзию, что никаких перемен в русском расположении не произошло. В то же время связь между Мюратом и Бессьером все еще не была установлена⁵⁸. В 9 вечера 27-го Наполеон получил об этом сообщение от Мюрата и отдал приказ по армии быть готовым выступить утром следующего дня. Однако осуществить это движение в первой половине дня 28-го армия не смогла, тем более что новых сообщений от Мюрата и Бессьера не поступало⁵⁹. К 2 часам дня 28-го император все еще готовился к выступлению⁶⁰.

В 2 часа дня наконец-то пришли известия от Мюрата и Бессьера, из которых окончательно прояснилось местонахождение неприятеля, и император отменил приказ о готовности всей армии двигаться на неприятеля⁶¹. В сообщении Мюрата, как можно понять, были сведения о готовности Кутузова отступить от Красной Пахры. Однако отступательное движение русских 28 сентября показалось французам до странности медленным, оно выглядело «как будто бы результатом какой-то комбинации, но не следствием необходимости»⁶².

29 сентября Мюрат попытался сильнее «поднажать» на русский арьергард, дабы ускорить отход русской армии (французы все еще полагали, что имеют дело с главными силами противника) с позиций при Красной Пахре и более точно выяснить ее намерения. В ответ русские (Милорадович) сами атаковали неприятеля при д. Чириково. Основное участие в бою со стороны войск Наполеона приняли поляки Понятовского при поддержке резервной кавалерии (определенно 2-го

резервного кавалерийского корпуса). Понятовский смог удержать позиции, при этом нанеся значительный урон наступающим русским войскам⁶³. Одновременно к востоку от Чирикова происходили стычки наступающих войск Мюрата с казаками. «Рассыпанные по всему фронту, всюду и беспрестанно они набрасывались на нашу утомленную конницу, – описывал этот день Брандт, наблюдавший эти события, – убегая с быстротой стрелы затем, чтобы тотчас же вернуться обратно... Где только позволяла местность, бывшая у них артиллерия обстреливала нас из легких орудий, запряженных хорошими лошадьми. Наконец казаки стали так отважны, что во всех обрывах, рвах и у мостов сходили с лошадей и рассыпались стрелковой цепью»⁶⁴. Действия казаков, поддержанных русской регулярной кавалерией, задержали войска Мюрата, не дав им поддержать поляков Понятовского. К вечеру терпение Мюрата иссякло, и он двинул на стоявших перед ним русских часть кавалерии. «Русские сначала отступали, затем вытянулись в полукруг и внезапно ударили во французов». Мюрату, который возглавлял атакованную французскую кавалерию, с трудом удалось отбиться от наседавших казаков⁶⁵. Г. Роос, главный хирург 3-го вюртембергского конно-егерского полка принца Людвига из 2-й легкой кавалерийской дивизии 2-го резервного кавалерийского корпуса, описывает, как вечером, «при дожде», его полк, расположившийся на биваке, был атакован казаками⁶⁶. Потери войск Наполеона 29 сентября также оказались значительными. Среди пленных был французский бригадный генерал Г. Ферье при двух адъютантах и адъютант Понятовского ротмистр граф А. Потоцкий⁶⁷.

Однако, несмотря на сопротивление русского арьергарда (а Мюрат справедливо не исключал возможности, что он может оказаться перед

всей русской армией, которая его будет атаковать), Неаполитанский король имел ясное указание от императора продолжать энергично теснить неприятеля. 29 сентября Наполеон отправил приказ Мюрату энергично угрожать врагу обходом во фланг. Герцог Истрийский должен был занимать позицию со своим наблюдательным корпусом в тылу Неаполитанского короля. Ему было поручено разрушить русский укрепленный лагерь у Красной Пахры. Для этого дивизионный генерал Ф. Шасслу, командующий инженерами Великой армии, получил приказ отправить роту саперов для помощи в разрушении лагеря, а инженеры-географы должны были предварительно произвести его съемку⁶⁸.

Проведя 30 сентября в обустройстве войск, восстановив связь с Понятовским, Мюрат двинулся далее вперед. Вслед за ним шли части корпуса Бессьера. Солдаты, переходя Пахру, с интересом разглядывали укрепления, сооруженные на ее правом высоком и лесистом берегу. Дома Красной Пахры, находившиеся недалеко от укреплений, произвели на них впечатление: это была «группа исключительно красивых жилищ, зажиточных, похожих на английские коттеджи, окруженных зеленью и цветами»⁶⁹.

В ночь с 30 сентября на 1 октября казаки атаковали французов и, по словам бригадного генерала Р. Вильсона, британского представителя при штабе М.И. Кутузова, «убили 200 кирасиров» и «взяли в плен 85»⁷⁰. В своем дневнике капитан М. Таше записал: «Казаки захватили много фуражиров, слуг и багаж». 6-я рота 12-го конно-егерского полка (2-й кавалерийский корпус), в которой служил Таше, сократилась до 14 человек. Люди жестоко страдали от холода⁷¹. В русских документах отмечено, что «ввечеру» 30 сентября во время фуражировки неприятеля у

д. Климово он был атакован полковником Балабиным, потеряв 200 человек убитыми и 85 с двумя унтер-офицерами взятыми в плен (среди пленных было 44 кирасира)⁷².

К вечеру 1 октября к югу от Красной Пахры, в долине, по которой проходила Калужская дорога, возобновились стычки с русским арьергардом. В 5 часов вечера французы атаковали русские аванпосты у д. Чириково и заставили их отойти к д. Голохвастово. Основные силы арьергарда Милорадовича расположились у с. Вороново⁷³. 2 октября, на подступах к с. Вороново, русский арьергард под командованием Милорадовича попытался оказать сопротивление наседавшим войскам Мюрата. В середине дня стычки приобрели ожесточенный характер и Мюрату пришлось развернуть значительную часть своих войск по обеим сторонам Калужской дороги. На правом фланге разместилась дивизия Дюфура, на левом – Легион Вислы Клапареда; кавалерия и артиллерия расположились по центру, вдоль дороги. Полковник Л. Гриуа, чья конная артиллерия 3-го резервного кавалерийского корпуса в тот день приняла участие в деле, вспоминал, как Мюрат, разместившись в центре его батареи, наблюдал за передвижениями русских, получал депеши и, под градом неприятельских снарядов, не слезая с лошади, отвечал на них «столь хладнокровно, как будто он находится в своей палатке»⁷⁴. После оживленной орудийной перестрелки и маневров Мюрата русские отступили к Воронову, а затем оставили и его, однако продолжали тревожить французов вплоть до глубокой ночи⁷⁵. В тот день, 2 октября, главные силы русской армии начали вступать в Тарутинский лагерь.

Село Вороново, имение Ф.В. Ростопчина, было разорено и сожжено по его приказу. Солдаты Наполеона, вступая в него, с удивлением отмечали, что крестьянские дома были построены из камня. Направо от

большой дороги возвышались почерневшие от огня стены барского имени⁷⁶

События 3 и 4 октября в отечественной и зарубежной литературе изложены крайне отрывочно, а то и совершенно путано. Так, М.И. Богданович о крупном деле 4 октября, в ходе которого русским удалось с большим трудом остановить неприятеля и закрепиться на тарутинской позиции, отметил только, что «Милорадович, снова атакованный у Спас-Купли, был принужден отступить за речку Черничну»⁷⁷. Даже название этого значительного боя до сих пор не устоялось ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Отечественные историки называют его то боем у Спас-Купли, то боем на р. Чернишне, забывая при этом, что сражение 18 октября также нередко обозначается тем же названием. Во французской, польской, немецкой и англо-американской историографии это дело чаще всего называется боем у Винково, иногда – у Воронова, иногда – у Спас-Купли, иногда даже боем у Калуги (*combat de Kalouga*). Полагаем, что боевые действия, происходившие в эти два дня, можно четко разделить на бой у Спас-Купли (3 октября) и бой у Винково или на р. Чернишне (4 октября), хотя действия 4 октября и начались с отхода русского арьергарда от Спас-Купли. Мы предполагаем изложить ход событий этих дней в специальной статье. Сейчас же только отметим, что главный результат боев был в том, что русский арьергард, отразив давление Мюрата и даже отбросив его в районе Винково за овраг р. Чернишни, дал возможность главным силам закрепиться в Тарутинском лагере. При этом потери французской стороны оказались очень значительными – до 800 человек. Закономерен вопрос: мог ли быть иной результат у этого боя? Авангард Мюрата насчитывал примерно 26 тыс. человек, тогда как ему противостояло, по нашим подсчетам, не менее 14,5 тыс. пехоты и 5,8 тыс. кавалерии, не считая казаков. А за спиной у

Милорадовича была вся русская армия. С теми силами, которые были у Мюрата, он мог только констатировать факт, что Кутузов остановился и далее отступить не намерен. Более того, авангард Мюрата сам мог легко стать жертвой русских, если бы Кутузов принял решение его серьезно «потрепать» или даже уничтожить.

Таким образом, очевидно, что оба полководца – и Наполеон, и Кутузов – не испытывали желания вести далее активные боевые действия и стремились дать отдых своим уставшим войскам. А французский император, помимо этого, надеялся получить первые известия о готовности русских начать мирные переговоры.

Так выглядят события Тарутинского марш-маневра на основе французских материалов. Общий итог можно выразить следующим образом: не нужно еще больше драматизировать и так достаточно драматические обстоятельства и, тем более, сводить все к широко распространенному в литературе утверждению, что Кутузов «перехитрил» Наполеона, ускользнув из поля его зрения на несколько дней. Наполеон оставался серьезным противником, и главную свою задачу Кутузов видел в том, чтобы, избегая ошибочных шагов, постепенно, выигрывая время, менять соотношение сил в свою пользу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Napoléon I: Correspondance de Napoléon I. P., 1868. Т. 24; [Du Casse A.] Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. P., 1858 (1860). Т. 8; Fain A.-J.-F. Manuscrit de 1812. P., 1827. Т. 2; Castellane E.-V.-E.-B. Journal. P., 1895. Т. 2; Denniée P.-P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842; Caulaincourt A.-A.-L. Mémoires. P., 1933. Т. 2; Dumonceau F. Mémoires. Bruxelles, 1958. Т. 2; Everts. Mémoires inédits // Pelet, Bonnet, Everts. Carnets et Journal sur la campagne de Russie. P., 1997; Поос Г. С Наполеоном в Россию. М., 1912; Брандт Г. Польские войска в Москве // Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 286–318.

² М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1.

³ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 337.

⁴ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Т. 2. P. 145.

⁵ Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P. 32. Note 1. Не исключено, что Наполеон был информирован о новостях, с которыми прибыл Себастьяни, только к 5 утра 22 сентября (Согласно известным документам, только в 5 утра 22-го прибыло в Кремль (вероятно, с Себастьяни) письмо Бертье – Мюрату. Москва, 22 сентября 1812 г., в 4 часа вечера // Fain A.-J.-F. Op. cit. P. 177.) Так как до утра 22-го Мюрат оставался в Москве (См.: Бертье – Бессьеру. Москва, 22 сентября 1812 г., в 4 часа вечера // Ibid. P. 178), эти сведения могли быть доставлены к Бертье и Наполеону самим Себастьяни.

⁶ Брандт Г. Указ. соч. С. 299. Обращает также на себя внимание, что в письме к жене от 21 сентября Богарне, который находился вне Москвы на С.-Петербургской дороге, уверенно отметил, что «русская армия почти вся на Тульской дороге» (Богарне – жене. Лагерь под Москвой, 21 сентября 1812 г. // [Du Casse A.] Op. cit. P. 50).

⁷ Бертье – Бессьеру. Москва, 22 сентября, 4 вечера // Fain A.-J.-F. Op. cit. P. 178.

⁸ Наполеон – Бертье. Москва, 21 сентября 1812 г. // Napoléon I: Correspondance. N19216. P. 223–224.

⁹ М.И. Кутузов: Сб. документов. С. 279; Колюбакин Б.М. Набег Дорохова на Смоленскую (Можайскую) дорогу. СПб., 1900. С. 10–11. Рейд Дорохова наиболее полно освещен в публикациях А.И. Попова: Попов А.И. Набег отряда Дорохова // Император. 2005. №7. С. 20–28; Он же. На дороге из Можайска в Москву, 22 сентября

1812 г. // Там же. 2003. №5. С. 32–33.

¹⁰ *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 158–159.

¹¹ *Брандт Г.* Указ. соч. С.299–300.

¹² Дорожный дневник Коленкура // *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 37. Note 2.

¹³ *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 159.

¹⁴ Дорожный дневник Коленкура // *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 37. Note 2. Богарне писал о том дне в письме к своей жене: «...позавчера, после того как Тебе написал, мы все сели на лошадей и взяли оружие; партия врага набросилась на наши тылы, но тотчас же была отбита...» (Богарне – жене. Москва, 24 сентября 1812 г. // [*Du Casse A.*] Op. cit. P. 50. P. 53).

¹⁵ Бертье – Мюрату. Москва, 22 сентября 1812 г., 4 часа вечера // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 177.

¹⁶ Бертье – Бессьеру. Москва, 22 сентября 1812 г., 4 часа вечера // *Ibid.* P. 178.

¹⁷ *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 159.

¹⁸ Бертье – Бессьеру. Москва, 22 сентября 1812 г., 4 часа вечера // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 178.

¹⁹ См.: Бертье – Мюрату. Москва, 23 сентября 1812 г., 4 часа утра // *Ibid.* P. 180; Бертье – Бессьеру. Москва, 23 сентября 1812 г., 4 часа утра // *Ibid.* P. 179.

²⁰ Согласно русским документам, уже 22 сентября французы были в 6 верстах от Подольска (Журнал военных действий с 2 по 22 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов: Сб. документов.. №435. С. 337).

²¹ Бертье – Бессьеру. Москва, 23 сентября 1812 г., 4 часа утра // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 179.

²² *Ibid.* В русских документах говорится о сожжении «20 ящиков с снарядами» и взятии в плен до 200 человек, «в числе коих 5 офицеров», а также о захвате двух курьеров с депешами (Журнал военных действий с 2 по 22 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов: Сб. документов. №435. С. 337).

²³ «Сейчас только что мы получили приказ быть готовыми отправиться завтра же с рассветом», – отписал 22-го жене в Амстердам капитан конной артиллерии императорской гвардии Ф.-Ш. Лист (Лист – жене. Москва, 22 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par*

S.E.M.Goriainow. P., 1913. P. 27).

²⁴ Бертье – Бесьеру. Москва, 23 сентября 1812 г., в 4 часа утра // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 179; *Chambray G.* Op. cit. P. 150.

²⁵ Бертье – Мюрату. Москва, 23 сентября 1812 г., 4 часа утра // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 180.

²⁶ *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 160.

²⁷ После 22-го Наполеон впервые сядет на коня только 30 сентября (*Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 37. Note 2.).

²⁸ См.: *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 160. 23 сентября помечены пять известных нам писем Наполеона. Император был озабочен безопасностью продвижения конвоев по Можайской дороге. Теперь кавалерия, пехота и артиллерия, составляющие конвой, должны были двигаться вместе, сомкнуто. Бивакировать следовало в форме батальонного каре с командиром конвоя в центре. Численность конвоев не должна была быть менее 1500 человек пехоты и кавалерии, не считая солдат обоза, артиллеристов и инженеров (Наполеон – Бертье. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Napoléon I: Correspondance.* №19220. P. 227). Сохранилось распоряжение, отданное Наполеоном Бертье для герцога Тревизского собрать все оставшиеся в Москве подразделения дивизии Клапареда и отправить их к авангарду (Наполеон – Бертье. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* №19221. P. 228). Торопил Наполеон формирование литовских полков, в том числе 3-го полка гвардейских лансьеров. Сообщал Маре о том, что планирует провести конскрипцию во Франции, которая даст 140 тыс. солдат, и в Италии – 30 тыс. При этом приписал, что «обстоятельства сражения при Москве-реке и вступление в Москву не должны ослаблять» рвения его подданных (Наполеон – Маре. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* №19218. P. 226). Наконец, предложил генералу Домбровскому потеснить русский корпус генерала Эртеля (Наполеон – Бертье. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* №19221. P. 228).

²⁹ «Вчера.., – писал жене 24 сентября Богарне, – стреляла пушка со стороны Полоцка (так в оригинале; следует читать «Подольска». – В.З.): это герцог Истрийский, который с авангардом встретил арьергард русских» (Богарне – жене. Москва, 24 сентября 1812 г. // *[Du Casse A.]* Op. cit. P. 53). Действительно, что явствует из русских документов, 23 сентября значительные силы французов уже появились у Подольска (М.И. Кутузов: Сб. документов. С. 292. Прим. 1).

³⁰ *Dumonceau F.* Op. cit. P. 161.

³¹ *Austin P.B.* 1812: Napoleon in Moscow. L., 1995. P. 73. Гриуа воспользовался возможностью посетить дивизионного генерала Э. Груши, который страдал от раны и от ревматизма, и основательно у него отобедать. Гриуа нагнал корпус уже на Калужской дороге.

³² Это следует из воспоминаний майора 85-го линейного полка К.Ф.М. Ле Руа (*Austin P.B.* Op. cit. P. 72)

³³ *Dumonceau F.* Op. cit. P. 161–163. По-видимому, уланы Кольбера имели дело с Башкирским полком майора Лачинова (*Богданович М.И.* Указ. соч. С. 348).

³⁴ *Dumonceau F.* Op. cit. P. 166.

³⁵ *Chambray G.* Op. cit. P. 149; *Роос Г.* Указ. соч. С. 378–379. Мало того, что в своем продвижении к Подольску части Мюрата были вынуждены сражаться с русской кавалерией, в 2 часа пополудни 25 сентября тылы 2-го кавалерийского резервного корпуса были атакованы. Лейтенант 1-го карабинерного полка Филипп, сопровождавший с небольшим отрядом карабинер, польских гренадеров, неаполитанских улан и мастеровых несколько десятков повозок, был атакован партией казаков и вооруженных крестьян (*Le Manuscrit de carabiniers // Revue de cavalerie.* P., 1894. P. 215–216).

³⁶ *Роос Г.* Указ. соч. С. 379.

³⁷ (Наполеон – Бертье. Москва, 24 сентября 1812 г. // *Napoléon I: Correspondance.* №19225. P. 229–230.

³⁸ *Everts.* Op. cit. P. 141; *Понов А.И.* Набег отряда Дорохова. С. 26.

³⁹ *Everts.* Op. cit. P. 141–143.

⁴⁰ *Martinien A.* Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire, 1805–1815. P., 1899. P. 95. П.Л. Боволье, военный комиссар в штабе 1-го армейского корпуса, полагал, что Марто, которого он называл Рато (*Rateau*), был особенно доверенным офицером Наполеона и осуществлял его личную охрану. Боволье утверждает, что «все драгуны были изрублены». Товарищи Марто собрали и переслали ему 1200 франков. Но так как деньги были получены уже после смерти Марто, они были немедленно возвращены в полк с известием о его смерти (*Боволье. Записки современников о 1812 году // Рус. старина.* 1893. Т. 77, №1. С. 18,

22).

⁴¹ Бертье – Бессьеру. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 184.

⁴² 23-й бюллетень Великой армии. Москва, 9 октября 1812 г. // *Napoléon I: Œuvres de Napoléon I. P.*, 1827. Т. 5. P. 67.

⁴³ *Everts.* Op. cit. P. 143. Имеются также свидетельства Кастаньяна. В своем дневнике 25 сентября он записал, что «драгуны гвардии потеряли 24 человека, ранеными или убитыми казаками, возле Maloviasmo, шато принца Голицына, по дороге на Смоленск; полковник-майор Марто в числе последних». На другой день он записал: «Мы потеряли убитыми или взятыми в плен 150 человек по дороге на Смоленск» (*Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 161). По русским данным, Дорохов «разбил совершенно 2 гвардейских эскадрона и батальон пехоты; при сём случае взяты в плен: 1 полковник, 4 офицера и 186 рядовых. Появившееся подкрепление сему отряду час спустя прогнано более 2 вёрст и также весьма много побито» (Журнал военных действий с 2 по 22 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов: Сб. документов. №435. С. 339).

⁴⁴ *Попов А.И.* Набег отряда Дорохова. С. 27.

⁴⁵ Бертье – Богарне. Москва, 26 сентября 1812 г., 4 часа утра // [*Du Casse A.*] Op. cit. P. 53–54).

⁴⁶ Наполеон – Бертье. Москва, 26 сентября 1812 г., 5 часов утра // *Napoléon I: Correspondance.* №19229. P. 231; Бертье – Богарне. 26 сентября, 5 часов утра // [*Du Casse A.*] Op. cit. P. 54).

⁴⁷ Бертье – Бессьеру. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 184; *Попов А.И.* Набег отряда Дорохова. С. 27.

⁴⁸ Бертье – Бессьеру. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 183.

⁴⁹ *Ibid.* P. 184-185.

⁵⁰ *Chambray G.* Op. cit. P. 14; *Dumonseau F.* Op. cit. P. 166. Дюмонсо подтверждает, что захват Десны произошел именно 25 сентября. Здесь же, возле Десны, вечером 25-го он увидел «герцога Истрийского, двигавшегося во главе своей кавалерии, окруженного штабом...».

⁵¹ *Попов А.И.* Французы в Москве. М., 1876. С. 114–115.).

⁵² Бертье – Бессьеру. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 185; Бертье – Бессьеру. Москва, 27 сентября 1812 г., в 7 часов утра // *Ibid.* P. 185),

⁵³ Dumonceau F. Op. cit. P. 166.

⁵⁴ Бертье – Бессьеру. Москва, 27 сентября 1812 г., в 7 часов утра // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 185–187.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Бертье – Богарне. Москва, 27 сентября 1812 г., 7 часов утра // [*Du Casse A.*] Op. cit. P. 55. Федосьино – село к северу от Новой Калужской дороги, между ней и дорогой на Можайск.

⁵⁷ Бертье – Орнано. Москва, 30 сентября 1812 г. // [*Du Casse A.*] Op. cit. P. 57.

⁵⁸ Chambray G. Op. cit. P. 151–152.

⁵⁹ Бертье – Мюрату. Москва, 28 сентября 1812 г., в 2 часа дня // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 190.

⁶⁰ Принц Евгений получил приказ от Бертье быть готовым выступить ночью на 29-е по направлению к Подольску (Полоцку. – В.З.) Бертье – Богарне. Москва, 28 сентября 1812 г., 2 часа дня // [*Du Casse A.*] Op. cit. P. 55.

⁶¹ Бертье – Мюрату. Москва, 28 сентября, в 2 часа дня // *Fain A.-J.-F.* Op. cit. P. 190.

⁶² *Chambray G.* Op. cit. P. 153.

⁶³ По мнению Брандта, поляки взяли в плен до 500 человек (*Брандт Г.* Указ. соч. С. 306). Генерал-квартирмейстер русской армии генерал-майор М.С. Вистицкий отмечал в своих записках, что в бою под Чириковым сильно пострадала 27-я пехотная дивизия, которая оказалась между своим и неприятельским огнем. «Мы потеряли 600 человек» (*Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1900. Вып.1. С. 189).

⁶⁴ *Брандт Г.* Указ. соч. С. 305.

⁶⁵ Там же. По мнению Брандта, Мюрата спас польский капитан Мальчевский, прикомандированный к Неаполитанскому королю в качестве переводчика.

⁶⁶ *Роос Г.* Указ. соч. С.161–162.

⁶⁷ *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 352. Мюрат попытался обменять их на русских пленных, но ему было отказано. Р. Вильсон, британский представитель при штабе М.И.Кутузова, добавляет к этому эпизоду следующее: «Пленивший сего последнего казак великодушно отказался от предложенных часов и кошелька. Генерал, по-видимому, важная персона, ибо Мюрат сразу предложил обменять его, но сие было

отвергнуто» (*Вильсон Р.* Дневник и письма, 1812–1813. СПб., 1995. С. 64). В письме неизвестному лицу Вильсон пишет об *офицере*, взявшем в плен Ферье (Вильсон – неизвестному. Боровск, 1 октября 1812 г. // Там же).

⁶⁸ Наполеон – Бертье. Москва, 29 сентября 1812 г. // *Napoléon I: Correspondance*. №19233. Р. 232–233. Наполеон, предлагая сделать инженерную съемку укрепленного лагеря, указал на то, зачем это делается: «...чтобы, если брать его во второй раз, мы его [хорошо] знали».

⁶⁹ *Dumonseau F.* *Op. cit.* Р. 167.

⁷⁰ *Вильсон Р.* Указ. соч. С. 65. См. также: Вильсон – неизвестному. Боровск, 1 октября 1812 г. // *Вильсон Р.* Там же. С. 152.

⁷¹ *Austin P.B.* *Op. cit.* Р. 75. Любопытно, что еще 27 сентября Таше увидел снег!

⁷² Журнал военных действий с 2 по 22 сентября 1812 г. // М.И. Кутузов: Сб. документов. №435. С. 339.

⁷³ Там же. №435. С. 339–340.

⁷⁴ Цит. по: *Austin P.B.* *Op. cit.* Р. 74. В отличие от артиллерии, кавалерия 3-го резервного кавалерийского корпуса в тот день стояла в резерве.

⁷⁵ *Брандт Г.* Указ. соч. С. 307–309; *Dumonseau F.* *Op. cit.* Р. 167–168; М.И. Кутузов: Сб. документов. №435. С. 340–341.

⁷⁶ История с сожжением Ф.В. Ростопчиным своей усадьбы в Вороново весьма интересна и достойна специального исследования. В данной статье мы вынуждены опустить этот сюжет.

⁷⁷ *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 360.